

18+

АНАСТАСИЯ БЭЙЛАНД

ДЕТИ ВОЗДУХА И БОЛИ

Young Adult. Академия заклинателей Ци

Анастасия Бэйланд
Дети воздуха и боли

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бэйланд А.

Дети воздуха и боли / А. Бэйланд — «Эксмо», 2026 — (Young Adult. Академия заклинателей Ци)

ISBN 978-5-04-249305-8

В мире, где время от времени появляется разрушительное Алое море, уничтожающее все на своем пути, есть только одно спасение: жертва избранных с серебряной кровью. Циньюй — одна из них. Воительница отправляется в столицу, чтобы выполнить свой долг. Там она встречает других избранных, в том числе и Байцзина: бывшего наследного принца, тоже обреченного на жертву. Они должны стать лишь оружием в борьбе за чужие жизни. Не открывать друг другу сердце. Не привязываться. Не мечтать о будущем. Но чем ближе финальное противостояние, тем сильнее им хочется верить, что конец Циньюй и Байцзина — это не только печальное расставание. Ведь даже зная, что осень близко, цветы все равно продолжают распускаться.

«Циньюй — дерзкая и непокорная. Байцзин — бывший наследный принц, спокойный и учтивый. Их судьба — трагедия, щемящая сердце. Но даже в самые темные дни их любовь будет жить до последнего вздоха. Пронзительно нежная, грустная и до мурашек красивая история». — Совушка Лана, kingdom_of_owl

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-249305-8

© Бэйланд А., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Словарик	7
Действующие лица	8
Единицы измерения	9
Пролог	10
Глава 1	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Бэйланд Анастасия Дети воздуха и боли

© Бэйланд А., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Dropoo83. Adelart / Shutterstock.com / FOTODOM Используется по лицензии от
Shutterstock.com / FOTODOM

Иллюстрация на обложке *Ellen*

Словарик

Кланы

Шэньшоу – магические существа, в целом имеют человеческий облик, но обладают некоторыми «животными» чертами, такими как крылья, рога, хвосты и т. п. Делятся на пять кланов.

Фэнхуаны – клан охотников, живущий в лесах. Имеют птичьи крылья. Прототипом является китайский феникс, который символизирует красоту, гармонию, добродетель и благородство.

Инлуны – клан, главенствующий над остальными. Император страны – представитель инлунов. Имеют чешуйчато-кожистые крылья и небольшие рога. Прототипом является китайский крылатый дракон, который умеет повелевать дождями и позиционируется как хранитель небес, символ гармонии между людьми и природой.

Сечжи – клан, специализирующийся на изготовлении оружия и осуществлении правосудия. Имеют длинный рог, покрытый узорами. Прототипом является однорогое мифическое животное с телом быка или козы, которое считается символом справедливости.

Шэцзинь – клан целителей и заклинателей. Обликом близки к нагам: имеют человеческое тело и змеиный хвост. Прототипом является змея-оборотень, дух, способный поглощать человеческую силу и менять облик.

Пэнхоу – клан ученых и летописцев. Имеют собачьи уши. Прототипом является дух камфорного дерева, существо с чертами человека и бесхвостой собаки.

Действующие лица

Цинъюй (значение имени: «легкое перо»)– избранная от клана фэнхуанов. Актриса: *Ван Хуа* (значение имени: «пылающий цветок»).

Хэнсин (значение имени: «звезда»)– младший соученик Цинъюй, глава клана. Актер: *Син Хэн* (значение имени: «благосклонный шторм»).

Байцзин (значение имени: «белое безмолвие»)– избранный от клана инлунов. Актер: *Лин Ань* (значение имени: «холодный покой»).

Байгуан (значение имени: «белое сияние»)– старший брат Байцзина, император. Актер: *Лин Синь* (значение имени: «холодный рассвет»).

Чжуанцзянь (значение имени: «величественный клинок»)– избранный от клана сечжи. Актер: *Су Ин* (значение имени: «игра света и тени ранним утром»).

Вэйянь (значение имени: «маленькая красавица»)– избранная от клана шэцзинов. Актриса: *Цзинь Чжао* (значение имени: «золотой отблеск»).

Шуаньин (значение имени: «заиндевелая тень»)– избранный от клана пэнхоу. Актер: *Му Гуан* (значение имени: «ласковый полдень»).

Единицы измерения

Мяо – единица измерения времени, равная одной секунде.

Сяоши – единица измерения, равная одному часу.

Шичэнь – единица измерения времени, равная двум часам. На шичэни делили сутки. В тексте упоминаются: *маоши*, час зайца – 05:00–07:00; *чэньши*, час дракона – 07:00–09:00; *юши*, час лошади – 11:00–13:00; *юши*, час петуха – 17:00–19:00; *хайши*, час свиньи – 21:00–23:00.

Цунь – мера длины, равная примерно 3,33 см.

Чжан – мера длины, составляющая примерно 3,33 м.

Ли – мера длины, эквивалентная примерно 0,5 км.

Пролог

Когда сверкают серебряные крылья

– Напомните, пожалуйста, а почему все эти бесконечные слои нельзя дорисовать в пост-продакшне? Мне ведь приделают крылья, так ведь?

– Ван-сяоцзе¹, если вы будете сниматься в обычной одежде, движения получатся неестественными. Ваш костюм и так был упрощен по сравнению с изначальной версией.

Ответом на спокойное, терпеливое объяснение режиссера становится протяжный отчаянный вздох.

Вообще-то, в своем обычном расположении духа Ван Хуа считает последним делом капризничать на съемочной площадке. В среде кинематографа она слывет максимально «комфортной» актрисой, с которой всегда легко и приятно работать. Ее менеджер, однако, расчетлива и неумолима в выборе подходящих проектов. Команды различных дорам чуть ли не соревнуются за возможность пригласить Ван Хуа хотя бы на второстепенную роль, ведь одно только ее имя и лицо на афише автоматически поднимает успешность проката.

Но сегодня она устала после многочасового перелета, ибо не смогла уснуть в самолете из-за постоянно плачущего ребенка одной из пассажирок. Потом ее облила ноябрьской грязью проезжавшая мимо машина, едва только она выбралась из такси, – новое, только-только купленное пальто придется отдавать в химчистку! А теперь еще и не может разобраться с многочисленными завязками на костюме, хотя обычно предпочитает заниматься одеждой для съемок сама, по минимуму напрягая костюмеров.

Поэтому, что неудивительно, настроение у Ван Хуа отвратительное.

– Если вас это утешит, – слышится сзади мягкий, глубокий голос, – мой костюм еще более многослоен, чем ваш.

---

¹ Сяоцзе – обращение к незамужней девушке.

Ван Хуа, уже близкая к тому, чтобы попросту разорвать очередные неподдающиеся завязки, – это не составило бы труда, ведь ей для роли как раз сделали весьма острые и длинные накладные ногти, – все-таки с отчаянным смирением отдает их под контроль стаффа и оборачивается.

Каким-то чудесным образом «Серебряным крыльям», сянся-дораме² с довольно любопытным сеттингом и интересным сценарием, удалось собрать поистине выдающийся актерский состав. Ван Хуа должна играть главную женскую роль, а вот на главную мужскую пригласили Лин Аня, восходящую звезду исторических дорам, красавца с бледной безупречной кожей, поразительно яркими янтарными миндалевидными глазами – ему даже никакие линзы не нужны! – точеной линией подбородка и высокими изящными скулами.

Именно Лин Ань и приближается сейчас к Ван Хуа медленной, степенной походкой, словно заранее принялся входить в роль. Его волосы уложены в несколько плотных кос и собраны в сложный пучок, а сам он облачен в сине-белое ханьфу с широкими рукавами, едва не касающимися земли. Одежды, украшенные тонкой золотистой вышивкой, выглядят роскошными и тяжелыми – вполне подходит для принца, которого играет Лин Ань.

А еще, похоже, в них и правда больше слоев, чем у Ван Хуа.

– Доброе утро, – произносит она и коротко кланяется, приветствуя его. – Поистине завидую вашей выдержке. Вам ведь постоянно подобные костюмы выбирают, как вы вообще умудряетесь так спокойно их носить?

– Я привык, – с едва заметной улыбкой замечает Лин Ань, повторив поклон. – Ван-цзе³, насколько я понимаю, не так часто снимается в исторических дорамах?

– Можно даже сказать, почти не снимаюсь. Но с оружием обращаться умею. Пришлось научиться. Уже давно.

– Давно? – уточняет Лин Ань. – Разве съемки единственной драмы, где вы используете оружие, проходили не в прошлом году?

Ван Хуа улыбается, чуть качнув головой: он не ошибся, но у нее нет настроения отвечать.

Обращение, использованное Лин Анем, слегка удивляет: она обычно всякий раз оказывается самой младшей актрисой на площадке, не считая, разумеется, детей и подростков. К тому же ей отчего-то казалось, что Лин Ань старше ее как минимум на пару лет – датой его рождения и точным возрастом она никогда не интересовалась, а внешне он совершенно не похож на человека, которому меньше двадцати двух.

Оказывается, это так приятно, когда коллега называет тебя «старшей сестрицей»!

Ван Хуа пришлось пропустить неделю «знакомства», устроенную для всех актеров, чтобы они получше узнали друг друга еще до начала съемок и прошли несколько совместных тренировок. Менеджер настояла: стоит согласиться на роль в «Серебряных крыльях», так как драма выглядит весьма перспективной. Однако пришлось договариваться с продюсером и режиссерами насчет того, чтобы Ван Хуа появилась на площадке непосредственно в день начала съемок, а не раньше.

Так что сегодня она вливалась в команду и знакомилась с персоналом и другими актерами торопливо, где-то между укладкой, макияжем и подбором костюма, пребывая в отвратительном настроении и пытаясь не демонстрировать его слишком сильно. Но все равно увидеть Ван Хуа смогла не всех, потому что в начальных сценах, кроме массовки, в основном задействованы только она и Лин Ань.

Что ж, по крайней мере, с ним у нее пока что намечается достаточно доброжелательное взаимодействие.

---

² Сянся – жанр китайского фэнтези, тесно связанный с китайской мифологией, основами даосизма и боевыми искусствами.

³ Цзе – вежливое обращение к старшей из одного поколения с говорящим, дословно «старшая сестра».

– А вы много дорам с моим участием смотрели, *Лин-ди*⁴? – спрашивает Ван Хуа с легким ехидством, прощупывая почву и наблюдая за реакцией. – Просто я с вашим все посмотрела, как узнала, что мы вместе сниматься будем.

– Прямо-таки все? – выражение лица Лин Аня неуловимо меняется – кажется, у него загораются интересом глаза. Возражений по поводу того, чтобы она называла его именно так, он, похоже, не имеет.

Кажется, со своим персонажем они различаются по характеру.

– По крайней мере, те, что нашла в Сети, – кивает Ван Хуа. – Вы как будто вышли прямиком из древних времен, это потрясающе. Не могу представить вас без парика и в современной одежде.

– Не представляйте. Я и не ношу на съемках парики, только иногда – накладные пряди, – говорит Лин Ань.

Ван Хуа изумляется его заявлению: вся эта красота – еще и своя?! Она непременно должна будет поинтересоваться, какими волшебными средствами по уходу за волосами пользуется Лин Ань, что они при такой длине столь великолепно выглядят. Для нее это довольно насущная проблема: даже знаменитым актрисам приходится бороться с ломкими сухими прядями, которые пока уложишь – успеешь умереть, воскреснуть и умереть повторно. Иногда ей даже немного неловко за то, сколько времени стилистам каждый раз приходится возиться с ее прической.

– А касательно вашего вопроса, – продолжает Лин Ань, – я посмотрел лишь несколько работ, которые заинтересовали меня аннотациями. Но, не буду скрывать, после ознакомления с ними я весьма заинтригован предстоящей совместной работой. Тем более в привычном для меня, но не совсем привычном для вас жанре.

Ван Хуа отчего-то ощущает жар, приливший к щекам. Лин Ань, поразительно спокойный, даже расслабленный, смотрит на нее доброжелательно и заинтересованно, уголки его губ почти незаметно приподняты. Она отчего-то тянется поправить прядь в только что волосок к волоску уложенной прическе и улыбается ему в ответ, забывая, что несколько минут назад была готова порвать на клочки собственный костюм.

Слишком знакомое ощущение.

Знакомое и приятное, но не совсем уместное.

Одна девушка-стафф наконец заканчивает приводить в порядок одежды Ван Хуа, а другая аккуратно поправляет макияж, нанося на лицо немного пудры. Бледная кожа, густо подведенные черным глаза – она играет воительницу, а значит, взгляд должен быть особенно выразительным. Правда, как у воительницы могут быть не стянуты наручами рукава, все еще остается для Ван Хуа загадкой. Но она решила не спорить.

В конце концов, абсолютная точность в деталях – это лишь про очень немногие дорамы. Обычно в угоду красоте и художественному смыслу предпочитают пренебрегать исторической достоверностью, а иногда логикой и здравым смыслом.

Настроение поднимается. Ван Хуа мысленно благодарит Лин Аня за то, что он оказался таким приятным при первом же разговоре и немного вернул ей воодушевление перед съемками. В конце концов, контракт она подписала, едва прочитав первые несколько страниц сценария, так как ее по-настоящему зацепила история. И начала работы над дорамой ждала с нетерпением, хоть ей и пришлось пропустить знакомство с другими актерами из-за загруженного графика.

– Ван-сяоцзе, если вы готовы, давайте приступать к съемкам первой сцены, – вежливо произносит режиссер, напоминая о своем присутствии.

---

⁴ Ди – вежливое обращение к младшему из одного поколения с говорящим, дословно «младший брат».

– Мы сценариста не дождемся? – уточняет Ван Хуа. – Не хотелось бы потом переделывать уже готовые дубли, если ему не понравится.

– Син Хэн сейчас завершает работу над другим своим проектом и присоединится к команде через две недели, – спокойно отзывается режиссер. – Мы согласовали основные моменты в сценарии. Он дал добро начинать без него.

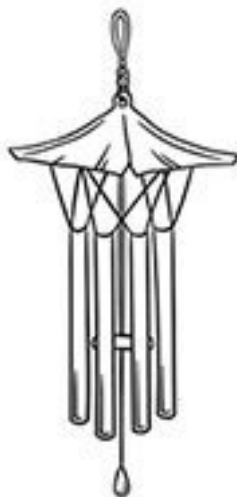
Ван Хуа понимающе кивает. В принципе, обычно съемки происходят вообще без присутствия сценариста, но касательно этой дорамы ее сразу предупредили, что Син Хэн хотел бы контролировать весь процесс от начала и до конца наравне с режиссером и слушаться придется их обоим. Так что главное, чтобы потом, спустя эти самые две недели, в самом деле никаких разногласий не возникло.

Под взглядами Лин Аня и режиссера на несколько мгновений Ван Хуа прикладывает ладони к щекам, замуривается и прогоняет перед внутренним взором текст сценария. Рисует картинку, для себя самой создает мини-версию готового фильма, яркую, набросанную широкими размашистыми мазками красок, которые потом должны будут стать более аккуратными и тонкими. Это ритуал, который она проделывает каждый раз перед съемками, чтобы влиться в историю, которая должна развернуться в кадре.

А конкретно этот сценарий знаком ей более чем хорошо.

Итак...

«Несколько тысячелетий назад землю охватило великое бедствие...»

Глава 1

Когда птица опускается на землю

«Несколько тысячелетий назад землю охватило великое бедствие. Его прозвали алым морем: по всему миру из недр земли начала сочиться вода красного цвета. Все, чего она касалась, разрушалось и осыпалось пеплом, а живые существа, стоило хотя бы капле алого моря коснуться их, обращались жуткими монстрами.

Чтобы уберечь от напасти незащищенных людей, пять кланов шэньшоу, что делят между собой уголья расстилающейся под облаками земли, объединили усилия. Они решили вместе создать механизм, способный остановить алое море. Не желая уповать в этом нелегком деле на высшие силы, шэньшоу задумали обрести безграничную мощь. Вернее, украсть ее у самих богов.

Каждый клан отправил на бой с одним из пяти божеств, что властвуют над миром, своего избранного. Ему предстояло забрать пылающее сердце и вложить в собственную грудь. Боги погибли, а избранные обрели невиданную силу, кровь их окрасилась серебром. Они смогли создать священное ядро – вот только для того, чтобы оно заработало, им пришлось напоить его своей кровью и накормить своими жизнями.

Алое море исчезло, уничтоженное светом ядра. Вскоре снизошли знамения, что боги возродились. Они ничего не помнили о своей гибели и были чисты от гнева на тех, кто их погубил. На земле воцарились тихие, спокойные дни.

Но не навсегда.

Спустя четыре века вдруг появились в каждом клане особенные шэньшоу, чья кровь делалась вдруг серебряной, и были они поразительно похожи на первых избранных. То стало дурным предзнаменованием: не прошло и десяти лет, как ядро погасло, а красная вода опять засочилась из трещин. Заполонили мир монстры, и вновь пришлось божествам пасть от рук героев, а последним – пожертвовать собой. Иначе невозможно было напитать священное ядро и спасти мир от безжалостного алого моря.

Сей цикл стал повторяться, и повторяется до сих пор».

Циньюй, сидя на толстой ветке векового клена со сложенными крыльями, тихо наблюдает, как ее бывший наставник, уже пожилой, с седыми волосами и глубокими морщинами, рассказывает эту историю совсем юным, еще не до конца оперившимся фэнхуанам, что сидят вокруг него полукругом. Сама она слышала ее уже много раз и знает наизусть. Циньюй известно даже чуть больше, чем рассказывает наставник.

Ведь она как раз одна из тех, в чьих жилах течет жидкое серебро.

Маленькие фэнхуаны с разноцветными перышками, лет шести-семи, слушают, широко распахнув глаза и даже приоткрыв рты, наивные, чистые и восхищенные, не понимающие до конца самую главную и самую страшную суть легенды. Циньюй любит птенцов, часто играет с ними, она сама чуть ли не с пеленок воспитала своего шиди⁵ Хэнсина, потерявшего мать и отца. Но отложить собственные яйца ей уже не суждено.

Избранные отправляются на смерть. Вся их жизнь – короткий миг перед еще более короткой славой, перед тем последним шагом, который они, переполненные божественной мощью, сделают к священному ядру. И растворятся в нем.

Так положено, чтобы мир продолжал существовать.

И Циньюй рада, что эта участь досталась ей, а не, к примеру, ее шиди.

Серебряной кровь становится не сразу. Она постепенно начинает менять цвет – как правило, в подростковом возрасте. Считается, что души предыдущих избранных спускаются на землю и благословляют своих последователей. Ничего хорошего, как и сказано в легенде, это не сулит – раз появляются особенные шэньшоу, значит, скоро нужна будет их помощь.

Циньюй впервые увидела подкрашенные серебристым капли, сочащиеся из пореза на руке, еще десять лет назад, когда ей было шестнадцать. Жизнь превратилась в мучительное ожидание того дня, когда алое море разольется вновь. Циньюй засыпала каждый вечер с мыслью, что ей удалось отвоевать у судьбы еще немного временного спокойствия.

Очень долго ничего не происходило. Видимо, благословение – или проклятие – снизошло слишком рано, и она не показывала остальным в клане цвет своей крови. Скрывала настолько тщательно, насколько могла, чтоб не волновать преждевременно. Но три года назад решилась, когда до поселения начали доходить слухи, что избранные появились и в других кланах шэньшоу. Плохой знак.

И совсем недавно спокойствие закончилось.

Ужасные вести стремительно охватили мир под облаками верховым пожаром. То тут, то там начали появляться монстры, клан вынужден был усилить патрули и удвоить боевые тренировки юных фэнхуанов – кроме, разумеется, совсем малышей. А вчера вечером Хэнсин, уже целый год как глава клана, со странной смесью восторга и горечи на лице показал Циньюй письмо, пришедшее из столицы, с синей восковой печатью и аккуратной вязью иероглифов на дорогой белоснежной бумаге.

Глас, созывающий избранных.

Циньюй чуть двигает крыльями, устраиваясь поудобнее в ветвях, и вдруг небольшое маховое перо плавно планирует на землю. Как же не вовремя оно решило выпасть! К счастью, его не замечает никто из птенцов – зато замечает наставник и бросает быстрый взгляд наверх, не прерывая рассказа. Скорее всего, он уже давно обнаружил присутствие Циньюй, хоть чернокрылой птице в темных одеждах и довольно легко затеряться на фоне коры в густой красно-оранжевой листве.

Но ее здесь быть не должно. Она пришла только чуть-чуть посмотреть напоследок.

Еще до того, как птенцы расходятся, Циньюй бесшумно слетает с ветки. И направляется прочь из деревни, чувствуя, как сердце сжало безнадежной, отчаянной горечью, хотя она и готовила себя почти всю ночь к мысли, что придется уйти.

---

⁵ Шиди – младший соученик.

Прощание – даже хуже, чем осознание того, что ее ждет. К своей будущей «миссии» Циньюй уже привыкла за десять лет. А вот видеть вчера, как взгляды других фэнхуанов наполняются влажным блеском, как они смотрят на нее долго и внимательно, словно хотят запомнить каждую черту, было почти невыносимо. Циньюй улыбалась говорила, что станет теперь героем, но прекрасно понимала – эти слова никого не успокоят.

Особенно больно было смотреть на слезы в глазах наставника. Он ведь заменил ей отца. Несмотря на почтенный возраст, тело его все еще гибкое и сильное – наставник научил Циньюй владеть оружием практически в совершенстве, и уже в подростковом возрасте она могла посоревноваться даже с некоторыми самцами своего клана. Вчера, когда наставник пожелал ей удачи, голос его дрогнул, и сердце Циньюй болезненно сжалось.

Но она продолжила улыбаться. Как всегда.

Еще и Хэнсин... такой дурак. Вырос, вытянулся к своим девятнадцати, стал красивым, статным – а ума не прибавилось, разве что житейской мудрости. Угораздило же его влюбиться без памяти в собственную шицзе⁶ – и ведь, похоже, Хэнсин искренне думает, что она не видит!

Но Циньюй вроде бы птица, а не крот. Она пока еще не ослепла. И не оглохла. Даже если Хэнсин пытается не показывать своей влюбленности, делает он это из рук вон плохо. Вьется вокруг нее хвостиком с тех пор, как в растущем теле кровь начала бить и в голову, и в другие, более интересные места. Изо всех сил пытается быть полезным. Резко теряет способность нормально разговаривать, стоит им остаться только вдвоем.

Может, оно и к лучшему, что они больше не встретятся. Ему стоит найти себе другую, более подходящую самку, не ту, что готова в ближайшее время пожертвовать своей жизнью.

Сейчас раннее утро, еще только начало чэньши, а путь до столицы от земель фэнхуанов не такой уж далекий, всего около шичэня пути. Так что Циньюй может позволить себе не торопиться. Без нее никто никуда не денется. Она полностью расправляет крылья, планирует над кронами деревьев, отдаваясь власти прохладных воздушных потоков и только иногда делая короткие взмахи, чтобы сохранять направление и высоту.

Полет – самое чудесное, что придумала природа. Когда ветер ласкает перья, перебирая их заботливыми касаниями, можно ненадолго забыть о том, что камнями ложится на душу и вплетается между ребрами колючими ветвями дикой сливы. У Циньюй в ближайшие дни точно будет еще множество поводов для лишней головной боли. Лучше забыть хотя бы сейчас.

Но судьба, похоже, с ней не согласна.

Когда внизу слышатся клокочущий рык и крик о помощи, Циньюй невольно думает: «Ну конечно же, без происшествий обойтись не могло!»

Она пикирует вниз, прямо в полете вынимая из ножен тонкие клинки. Седовласый старик, человек, полулежит на земле и с ужасом в глазах пытается отползти от монстра алого моря, который, пошатываясь на полусгнивших лапах, медленно надвигается на него. Чудовище, покрытое струпами, гноем и зловонной кровью, когда-то, видимо, было волком. Но оно уже давно не волк.

Циньюй приземляется прямо между ним и стариком. Взмахом одного клинка она отсекает монстру голову, взмахом другого – пронзает сердце. Не через грудь, через спину. Так же, как делала уже много раз за прошедшие дни. После нескольких неудачных раз стало понятно: эти твари продолжают жить даже без конечностей, без головы, с полуразложившимися органами. Они не умирают, пока отравленное сердце все еще сокращается в груди и продолжает жаждать крови.

Всего пара мяо – и чудовище падает у ее ног. Оно извивается в конвульсиях прежде чем дернуться последний раз и затихнуть. Плоть с влажным треском лопается над костями.

---

⁶ Шицзе – старшая соученица.

Циньюй едва успевает сделать шаг назад, чтобы едкой кровью не забрызгало сапоги и подол юбки. Оборачивается к напуганному старику и, успокаивающе улыбнувшись ему, спрашивает:

– Вы в порядке? Оно не успело поранить вас?

Старик смотрит на нее широко распахнутыми, остекленевшими глазами, почти не моргая, и не реагирует на вопрос. Циньюй медленно складывает крылья, но клинки все еще держит наготове. Человек не выглядит раненым, крови нет, одежда чистая, только вся в грязи и пыли. Скорее всего, укусить или поцарапать монстр его не успел. Но он вполне мог тоже коснуться где-то проклятой алой воды. А застывший взгляд – один из первых признаков скорого обращения в чудовище.

– Фэнхуан... – вдруг благоговейно произносит старик. – Настоящий фэнхуан...

Циньюй облегченно выдыхает. И, проведя над клинками магической печатью, чтобы очистить их от зловонной крови и плоти, убирает обратно в ножны. Обращенные не говорят. Тем более не говорят связно – им даже дышать становится тяжело. Горло отчего-то гнить начинает одним из первых.

– Вы в порядке? – еще раз, чуть громче, спрашивает Циньюй.

– А?... А, да, да, – наконец отзывается старик, тряхнув головой. – Простите, гуньян⁷, я... я первый раз вижу шэньшоу вот так, прямо перед собой. Я уж подумал, мне того, примерещилось перед смертью.

– Что вы, никакой смерти! По крайней мере, пока я здесь.

Она с улыбкой протягивает руку и помогает старику встать. Его ладони широкие, морщинистые, в жестких мозолях, в некоторых местах лопнувших до крови. Но не тех, что образуются от оружия. Скорее всего, меч этот человек никогда даже и не держал. Он неловко отряхивается – одежды простые, небогатые, но добротные – и низко кланяется перед ней.

– Спасибо, спасибо вам большое, гуньян, – торопливо говорит старик, почти завороченно разглядывая собственные руки и медленно сжимая-разжимая пальцы. – Жизнь спасли этому недостойному. Я теперь до самой могилы помнить буду, что к настоящей шэньшоу смог прикоснуться.

– Не стоит благодарности. Оберегать людей – наш долг, – мягко произносит Циньюй, застигнутая врасплох его излишним благоговением. – Прощайте. И постарайтесь больше не попадаться чудовищам, я не всегда смогу упасть перед вами с небес!

Она отходит от него на пару шагов и расправляет крылья. Не то чтобы она собиралась красоваться перед человеком, но то, как он восхищенно смотрит на иссиня-черные перья, наполняет сердце странной смесью радости и неловкости. Циньюй уже собирается взлететь, когда старик вдруг останавливает ее:

– Подождите, гуньян! Вы хоть скажите ваше имя, я ж тогда это... богам за ваше благополучие помолиться смогу.

От этих слов резко перехватывает горло. Сразу же становится муторно, будто она случайно коснулась чего-то мерзкого, липкого и не смогла как следует вытереть руки. Слизкий узел сворачивается под сердцем. Циньюй делает медленный выдох, не позволяя эмоциям взять над ней верх.

– Позвольте дать совет, – произносит она негромко и спокойно, глядя на старика через плечо. – Не стоит молиться тем, кто скоро должен умереть.

И, взмахнув крыльями, скрывается за кронами деревьев прежде, чем он успевает задать ненужные вопросы.

Хоть Циньюй и спасла жизнь человеку, эта встреча оставляет у нее осадок, подобный терпкой горечи на дне чашки с плохим чаем. Она прокручивает последнюю свою фразу в голове снова и снова.

---

⁷ Гуньян – устаревшее обращение к незамужней девушке.

«Не стоит молиться тем, кто скоро должен умереть».

А кому же тогда они должны молиться?

Она никогда не задумывалась над этим. Шэньшоу воспринимают богов только как сильных, имеющих большую власть существ, которые однажды должны пасть от их рук и клинков ради священного ядра. Так странно и даже немного неприятно осознавать, что люди все еще молятся им. Все еще надеются, что могут что-то получить в ответ на просьбу, посланную в небеса. Наверное, это потому, что у них нет духовных сил и им нужно во что-то верить и на кого-то уповать?

Погрузившись в мрачные размышления, Циньюй даже не сразу замечает, что уже добралась до столицы. И опомнилась, только когда по крыльям стало бить болезненным, неестественным воздушным потоком, точечными пульсациями по каждому перышку, незримым предупреждением: опустишь, дальше лететь нельзя. Обычно так ощущаются магические барьеры. Столкновения с ними, мягко говоря, не самое большое удовольствие. Циньюй знает, она в детстве по дурости пару раз впечатывалась в защитный барьер, окружающий поселение фэнхуанов.

Циньюй, послушно приземлившись в нескольких чжанах от каменных городских стен, складывает крылья. Что ж, дальше придется ногами. Хорошо, что она додумалась ради приличия надеть сапоги.

В столице, огромном богатом городе в самом сердце земли под облаками, Циньюй никогда не была. Это территория инлунов, что всегда возвышались над остальными кланами и больше других стремились к власти. Другие шэньшоу не «по делу» бывают здесь редко, в основном в дни крупных ярмарок. Но, по словам наставника, в столице живут также люди. Инлуны – самый лояльный в этом плане клан, они от человеческого рода не скрываются, живут бок о бок и свободно ходят по улицам.

Тот старик явно не из столицы – местные к шэньшоу должны быть привычны с детства и такой благоговейный трепет точно не испытали бы.

При императорском дворе, как говорят, тоже служат не только инлуны, но и люди. Некоторые из них даже занимают довольно высокие должности – по этому поводу другие кланы иногда отпускают насмешливые комментарии, и фэнхуаны, к досаде Циньюй, не исключение. Сам император – по описаниям – белый молодой инлун со звучным именем Байгуан, и у него есть младший брат, наследный принц Байцзин.

Знаменитая традиция инлунов давать своим детенышам имена, первая часть которых всегда обозначает цвет их чешуи, до сих пор кажется Циньюй странной. Ее как будто придумали либо для слепых, либо из-за полного отсутствия воображения.

Циньюй входит в столицу через богато украшенные городские ворота и сразу видит вдалеке крыши возвышающегося над городом императорского дворца. На самом деле их она заприметила еще в воздухе, перед тем как приземлиться, но на земле ее наполняют растерянность и нарастающая тревога. Она совершенно не умеет ориентироваться там, где не может взлететь и посмотреть сверху.

Похоже, это будет долго.

Поселение фэнхуанов – небольшие домики на деревьях, надежно защищенные густым переплетением ветвей. Они расположены на разной высоте, украшены по вкусу каждого фэнхуана и удобно соединены друг с другом. К тому же деревья отличаются, и ориентироваться среди них легко. А здесь... Да ведь все городские постройки выглядят почти как два листа с одной маленькой веточки!

Ни люди, ни инлуны на улицах не обращают на Циньюй внимания. Иногда только бросают короткие взгляды, в основном на ее крылья. Вернее, скорее всего, на их цвет. Циньюй – последняя из чернокрылых фэнхуанов: о том, что они были все перебиты уже много лет назад, неизвестно, наверное, только тем, кто вообще не интересуется, что происходит в мире.

Циньюй чувствует себя практически несуществующей. И очень потерянной. Все улицы кажутся абсолютно одинаковыми, она как будто ни капельки не приближается ко дворцу, постоянно проходя похожие друг на друга повороты и минуя похожие друг на друга дома. Но не может же она, в самом деле, подойти к первому встречному и попросить проводить ее!

Циньюй, наверное, уже пятый раз упирается в очередной тупик и готова попросту вернуться обратно к воротам, – если вообще найдет теперь к ним дорогу, – когда ее кто-то негромко окликает со спины:

– Гуньян! Прошу прощения, вы потеряли что-то?

Циньюй оборачивается. В самом начале пустынного и очевидно заброшенного закоулка, куда она только что глупо свернула, стоит и участливо смотрит на нее инлун – явно из какой-то богатой семьи, в изящном синем ханьфу, с белыми крыльями и яркими янтарными глазами. Его волосы уложены в несколько плотных кос и собраны в сложный пучок, заколотый изящной серебряной гуанью⁸, на лбу – небольшие, слегка ветвящиеся рожки.

Появлению этого инлуна Циньюй радуется как благословию.

Пожалуй, можно уже отбросить гордость и все-таки спросить дорогу. Иначе она будет блуждать черной тенью по столице до самого хайши, когда все нормальные шэньшоу уже давно ложатся спать.

– Добрый день, – говорит она с коротким поклоном. – Боюсь, эта недостойная сама потерялась. Мне нужно попасть в императорский дворец, но я совершенно запуталась в этих переплетениях улиц.

– Не возражаете, если я провожу вас? – спрашивает инлун, чуть склонив голову.

– Ох, такому красавцу, как вы, вообще сложно возразить, – улыбается Циньюй. – Буду благодарна, гунцзы⁹.

Ей отчего-то нравится, как он отводит взгляд. Как смущенно кашляет, прикрыв рот краем широкого рукава, прежде чем проговорить вежливое: «Прошу, следуйте за мной».

Инлун молча провожает ее почти до самого императорского дворца. Он шагает медленно и размеренно, держа одну руку за спиной, и время от времени бросает на Циньюй короткие изучающие взгляды. Она приходит к выводу, что инлун, счастливый обладатель тонких, гармоничных и выразительных черт лица, *весьма привлекателен*. Даже немного жаль, что они видятся первый и последний раз. Да еще и принадлежат к разным кланам.

Хотя, с другой стороны, ей все равно не так уж много осталось жить. И потомства она не даст. Что толку думать о несбыточном?

Прохожие отчего-то относятся к инлуну чересчур уважительно и почти все поголовно перед ним кланяются, а он отвечает лишь коротким кивком головы, будто чрезмерно важная персона.

«Должно быть, это один из служащих дворца, – думает Циньюй, – причем, возможно, занимающий высокую должность и известный в городе». Тогда, выходит, ей крупно повезло, что она встретила именно его.

Когда главные ворота дворца с большим позолоченным изображением, символизирующим все пять кланов шэньшоу, наконец оказываются в паре десятков чжанов впереди, обсыпанные охраной, как слетевшимися на зерно воробьями, инлун останавливается. Заведя обе руки за спину, он снова чуть склоняет голову и говорит будто бы с легким сожалением:

---

⁸ Гуань – мужская заколка, надеваемая на пучок волос.

⁹ Гунцзы – молодой господин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.